

Т е м а н о м е р а Социология образования: современные реалии

Выпускники сельской школы: образовательные стратегии

Чередниченко Галина Анатольевна –
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии Российской академии наук,
Москва

E-mail: galcher50@mail.ru

Выпускники сельской школы: образовательные стратегии

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.428

Аннотация. На данных государственной статистики и материалах социологических исследований рассматриваются образовательные стратегии сельской молодёжи. Анализ ведётся в сравнительном плане – процессы и явления, характеризующие сельскую молодёжь, сопоставляются с таковыми городской молодёжи. Статистические данные анализируются в динамике 1990–2010-х годов. Показано, что образовательные стратегии сельской молодёжи в сравнении с их городскими сверстниками складываются во многом под влиянием общих факторов изменения условий жизни, развития системы школьного и профессионального образования, перемен демографической ситуации (смены многочисленных поколений молодёжи второй половины 1990–первой половины 2000-х гг. на малочисленные поколения, начиная с середины 2000-х гг.). После окончания основной школы большая часть сельской молодёжи выбирают «неакадемическую» траекторию: переходят на учёбу в систему СПО, в то время как городские юноши и девушки в своём большинстве продолжают обучение в дневной средней школе. Получающие сегодня полное среднее образование на селе оказываются гораздо более социально селекционированными относительно социального состава сельского населения, чем их сверстники из средних школ городов в сравнении с городским населением. Эта сельская молодёжь оказывается гораздо более, чем прежде, консолидированной в своём стремлении к продолжению образования в высшей школе. В результате к первой половине 2010-х гг. сложилась ситуация, когда большинство сельских выпускников средней школы поступали в вузы, то есть их образовательные ориентации и реальный выбор оказались во многом схожими с устремлениями молодёжи городов. Показано воздействие демографической ситуации (в разные хронологические периоды) на опции молодёжи на этапах выбора образовательного пути, а также указано влияние на них такого важного фактора, как наличная локальная структура и сеть учебных заведений разных уровней общего и профессионального образования.

Ключевые слова: сельская и городская молодёжь, образовательные стратегии, выпускники основной школы, выпускники полной средней школы, среднее профессиональное и высшее образование

В социологии образования выпускники сельских школ (а в социологии молодёжи – сельские юноши и девушки) часто рассматриваются главным образом с позиций изучения мало-ресурсных групп. Так, результаты многолетних исследований образовательных и профессиональных траекторий молодёжи фиксируют, что в отношении доступа к образованию – реальных шансов, а также их осознания молодёжью и на этой основе формирования образовательных стратегий – сельские юноши и девушки всегда отличались от своих городских сверстников более скромными амбициями и достижениями. Вместе с тем, новые условия социально-экономического развития, а также особенности сегодняшней и будущей демографической ситуации заставляют по-иному подойти к рассмотрению образовательного потенциала и образовательных стратегий молодого поколения селян. С середины нулевых годов в стране сложилась ситуация, когда в трудоспособный возраст стали вступать всё более малочисленные ежегодные когорты молодёжи. Это положение начинает медленно меняться только с середины 2010-х гг., при этом рост численности вступающей в жизнь молодёжи ещё долгие годы будет происходить весьма сдержанно. Эти малочисленные поколения к 2030 г. составят основу трудоспособного населения страны и будут обременены высокими трансфертными обязательствами. Адекватный ответ на такой вызов предполагает, что уже сегодня необходимо заботиться о принципиальном повышении образовательного и социального капитала молодого поколения и эффективности его использования. Что касается сельской молодёжи, то, безусловно, в условиях дефицита трудовых ресурсов соответствующих возрастов она будет (как это долгое время происходило и в прошлом) покидать родные места под влиянием разнообразных субъективных и объективных факторов, и в частности под давлением спроса городских рынков труда. Одновременно развитие агропромышленного комплекса и формирование большего разнообразия структуры экономической деятельности на селе будут создавать спрос на молодых образованных работников и предлагать новые и привлекательные рабочие места. В этой связи актуальным становится изучение образовательных стратегий сельской молодёжи как основы её формирующегося образовательного и профессионального потенциала.

Образовательные стратегии молодёжи, складывающиеся на разных возрастных этапах ориентации на образование, а также реальный выбор тех или иных типов учебных заведений в ходе школьного и последующего образования, рассматриваются здесь на данных государственной статистики и материалах социологических исследований. Используются данные панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП – <http://trec.hse.ru/>), которое осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследо-

ваний НИУ ВШЭ. Основная эмпирическая база представлена материалами социологического исследования выпускников дневных средних школ 2013 г. Новосибирской области¹, которые дополнены в ряде случаев данными предыдущего аналогичного исследования 1998 г.

Выпускники основной школы и их образовательные пути

Образовательные стратегии молодёжи складываются в тесной зависимости от возможностей, которые перед нею открывают формальные институты системы образования. Окончание основного общего образования является институциональным этапом первого выбора образовательных стратегий молодёжи.

Этот выбор является во многом решающим. Здесь, по сути, происходит разделение на два основных пути. Путь условно «академический» – поступление в 10 класс средней школы, окончание которой ведёт в дальнейшем большинство выпускников в высшую школу, и путь «неакадемический», в ходе которого юноши и девушки выбирают учёбу в техникумах, колледжах, технических лицеях и получают подготовку специалистов среднего звена или квалифицированных рабочих и служащих. Альтернатива второго пути никогда не была и не является социально стигматизированной. Как показывают результаты нашего лонгитюдного исследования 1998–2008 гг., получив специальность среднего звена в системе среднего профессионального образования (СПО), более трети молодёжи сразу переходят на учёбу в вузы, а спустя 10 лет почти половина имеют высшее образование. Получившие профессии квалифицированных рабочих приступают к обучению по специальностям работников среднего звена (десятая часть), а спустя 10 лет 14% имеют высшее и 17% среднее специальное образование.

Рассмотрим на данных государственной статистики важнейшие показатели этого этапа образовательного пути.

Какая доля возрастной когорты в разные времена достигала окончания дневной основной школы? Не располагая данными отдельно по сельской и городской молодёжи, опишем ситуацию суммарно, поскольку даже её характеристика

¹ Проект РГНФ «Новые смыслы в образовательных стратегиях молодёжи» реализован по руководством Д. Л. Константиновского Отделом социологии образования ИС РАН в 2013–2014 гг. Массив анкет выпускников городских и сельских средних школ, по репрезентативной относительно типов поселений выборке, содержит полную информацию как о планах молодёжи весной, накануне выпуска из школы, так и сведения об их реальном выборе осенью этого года. Аналогичны данные предыдущего обследования 1998 г.

в общем виде представляется важной. Рассчитаем удельный вес выпускников 9-х классов школы в общей численности родившихся 15 лет назад. Именно этот возраст у большинства представителей когорты является сроком окончания основной школы. Пренебрегая показателями смертности, будем считать, что мы имеем данные о доле оканчивающих указанное учебное заведение относительно условной возрастной когорты 15-летних (см. рис. 1).

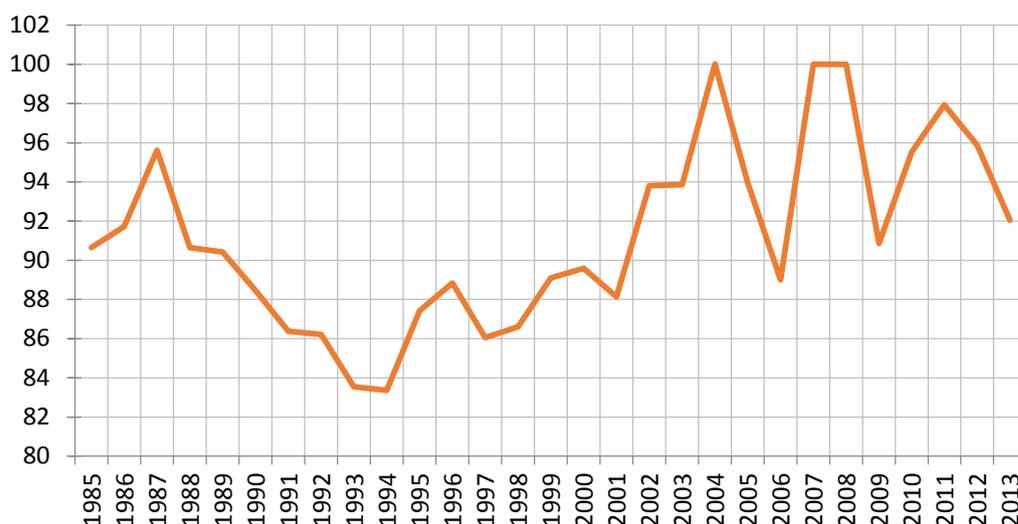

Рис. 1. Доля оканчивших дневную основную образовательную школу от условной возрастной когорты 15-летних, РФ, %

Источники: [Демографический ежегодник... 2001: 133; Демографический ежегодник... 2015: 37; Образование в... 2014: 235; Первичные данные...].

В позднесоветский период доля молодёжи, получавшей так называемое неполное среднее образование, сохранялась на достаточно высоком уровне (93–94% условной возрастной когорты). В перестройку и первое постперестроечное время (на фоне медленного роста численности ежегодных возрастных когорт) наблюдался сначала заметный спад охвата молодёжи 9-летним образованием (с 94,5% в 1988 г. до 83,3% в 1994 г., на который пришёлся минимум), а затем чуть менее интенсивный подъём (вплоть до рубежа XXI в.).

Уменьшение охвата поколения обучением в указанное время касалось не только основного образования. О спаде численности выпускников полных средних школ в 1992 и 1993 гг., а также о снижении в эти годы конкурсов на дневные отделения вузов подробно описывалось ранее [Костантиновский 1999: 71–72]. На фоне начальных рыночных преобразований возникла иллюзия, будто и без образования можно добиться успеха в жизни. Но она очень быстро себя изжила, когда развернувшийся рынок труда гораздо жёстче, чем раньше, стал предъявлять требования к квалификации, уровню образования и профессиональной подготовке. Поэтому в нулевые годы XXI в. происходил быстрый подъём показателя «добегания» возрастной когорты до окончания основной дневной школы:

в 2004 г. он достиг 95,3% и остаётся в среднем на этом уровне вплоть до последних лет. В подъёме доли возрастной когорты, окончивавшей основную школу после 2002 г., сказалось снижение численности молодёжи соответствующих возрастов (падение числа родившихся за 15 лет до 2002 г. – с 2,5 млн человек до 1,4 млн условно 15-летних в 2010 г.).

Динамика численности выпускников основной дневной школы как в сёлах, так и в городах, на протяжении последних более чем двадцати лет определялась главным образом демографическим фактором (см. рис. 2): кривые численности выпускников 9-х классов как сельских, так и городских школ, в целом повторяют изображение кривой численности условной когорты 15-летних. Вместе с тем, в период роста численности 15-летних с 1990 по 2002 гг. на 18,7% увеличение числа выпускников основной школы в городах составило 23,7, а в сёлах – 31,6%. Это вело к увеличению доли охвата этой категории школьников основным образованием, причём на селе данный процесс шёл интенсивнее, чем в городе. В следующий период (2002–8 гг.) произошёл наиболее резкий спад численности 15-летних – на 45%. Однако численность сельских выпускников 9-летки снизилась на 33,5%, а городских – на 42,4%. То есть в условиях малочисленности сверстников шансы «добегания» до окончания основной школы к рубежу 2010-х гг. у всей молодёжи увеличились, причём у сельских школьников они возросли сильнее, чем у городских.

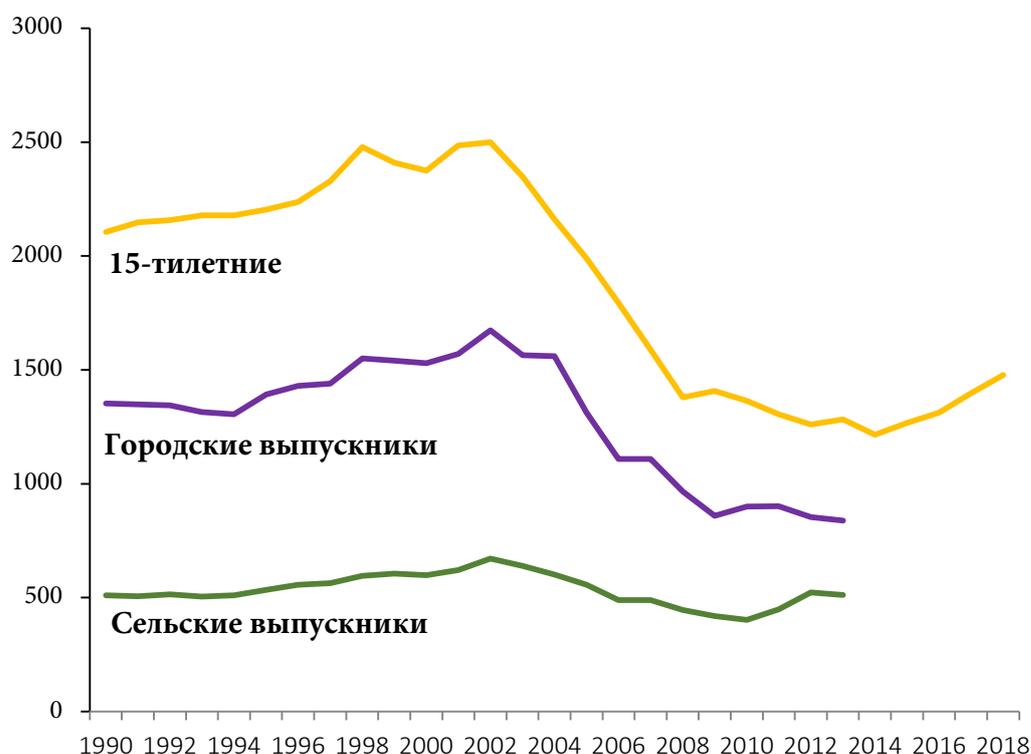

Рис. 2. Численность условной возрастной когорты 15-летних и выпускников 9-х классов сельских и городских дневных школ, тыс. чел.

Источники: [Демографический ежегодник... 2001: 133; Демографический ежегодник... 2015: 37; Образование в... 2014: 253; Первичные данные...].

Таким образом, за весь рассматриваемый период по разным причинам шансы достичь школьной ступени общего основного образования у последовательных поколений сельских юношей и девушек увеличивались. Как свидетельствует кривая численности условной когорты 15-летних, после минимума в 2014 г. в дальнейшем численность сверстников начнёт медленно возрастать. Соответственно, можно ожидать увеличения численности выпускников основной школы.

До рубежа веков сельские школьники после окончания 9 класса чаще, чем городские, оставались продолжать образование в 10-х классах средней школы (см. рис. 3), что было, видимо, во многом связано с нежеланием родителей рано – в 15 лет – отпускать детей на учёбу в ССУЗы и ПУ, так как это означало бы отъезд из родного села. В 1998/99 учебном году доля переходящих в 10 класс в сельских и городских школах сравнялась и составила 66,3%. Этот показатель у городских школьников снизился к 2013/14 учебному году до 60,2%. У сельской молодёжи к этому времени процент продолжающих обучение в сельской средней школе более сильно снижался и упал до 49,5%.

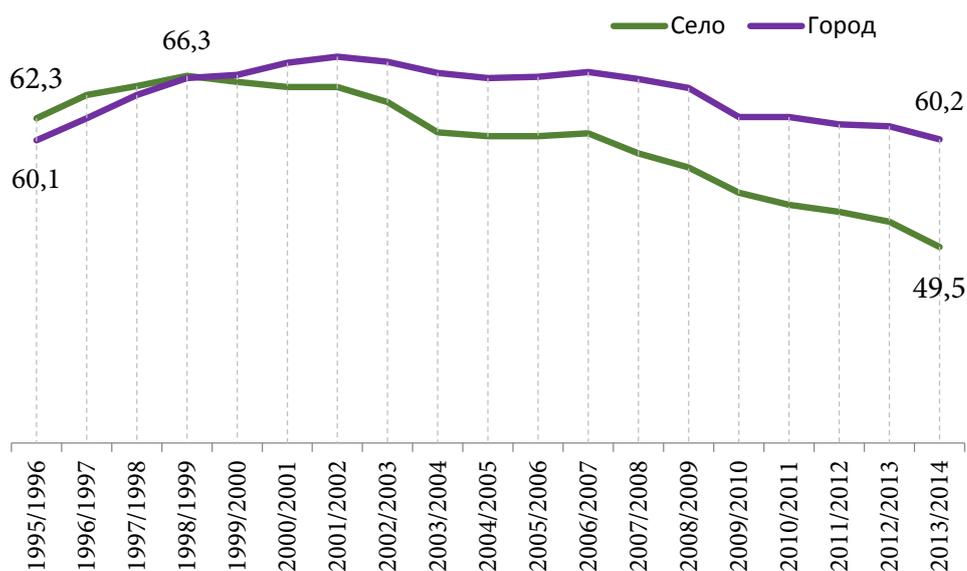

Рис. 3. Доля учеников, поступивших в 10-й класс, из числа окончивших 9 класс, %

Источники: [Образование в... 2007: 247; Образование в... 2010: 242; Образование в... 2012: 223; Образование в... 2014: 252].

Исследователи Бессуднов А. Р. и Малик В. М., которые впервые в нашей стране ввели в научный оборот анализ «академического» и «неакадемического» треков после окончания 9 класса сельской и городской молодёжи (на материалах государственной статистики и панельного исследования НИУ-ВШЭ «Траектории в образовании и профессии»), указывают следующие факторы более резкого снижения приёма в 10-й класс в сельской местности. Во-первых, он был связан с реструктуризацией сельских школ, начавшейся в 2001 г. Частью

этой реформы была реорганизация учреждений среднего полного образования в учреждения основного общего образования, т. е. превращение полных средних школ в девятилетки [Постановление Правительства...]. В результате учащиеся на селе стали чаще переходить в систему СПО или продолжать обучение в 10-м классе в ближайших городах. Во-вторых, в заметном спаде доли учеников, перешедших в 10-й класс с 2007 по 2009 гг., по всей видимости, сказалось введение ЕГЭ и стремление части учеников и их родителей воспользоваться возможностями поступления в вузы без сдачи ЕГЭ после получения среднего профессионального образования [Бессуднов, Малик 2016: 137, 138]. На наш взгляд, здесь проявилось и воздействие демографического фактора.

Малочисленность сверстников, как выше было отмечено, повысила шансы «добегания» сельских школьников до окончания основной школы. Она же повысила шансы выпускников 9-летки на поступление в образовательные учреждения системы среднего профессионального образования (СПО). В таблице 1 приведены данные об отношении численности принятых по двум программам подготовки в СПО к численности населения в возрасте 15 лет.

Таблица 1

Приём в образовательные учреждения СПО по программам подготовки, в % от численности населения в возрасте 15 лет

Год	Программы подготовки квалифицированных рабочих и служащих	Программы подготовки специалистов среднего звена
2000	34,2	35,1
2005	32,0	39,7
2010	42,3	49,0
2011	39,1	48,5
2012	38,6	50,8
2013	33,9	47,8

Источник: [Образование в... 2014: 23].

В период резкого спада численности сверстников коэффициент приёма по программам подготовки квалифицированных рабочих с 2000 до 2010 гг. возрос с 34,2 до 42,3%, а по программам подготовки специалистов среднего звена – с 35,1 до 49,0%. Даже с учётом того, что в последующие годы в результате снижения приёма в СПО (более сильного по подготовке квалифицированных рабочих и служащих) эти коэффициенты несколько уменьшились, шансы молодёжи поступить на обучение в систему СПО остаются высокими.

Материалы мониторинга НИУ-ВШЭ – панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» – дают возможность представить структуру планов молодёжи, окан-

чивающей 9-летку¹. На рис. 4 представлены ответы молодёжи сельских школ на вопрос «Что Вы собираетесь делать после окончания 9-го класса?» в сравнении с их городскими сверстниками.

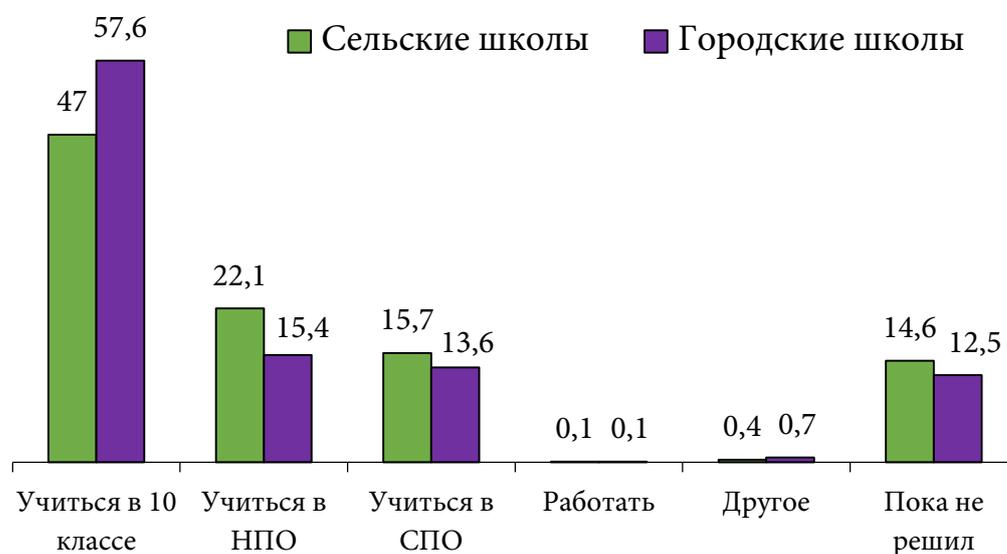

Рис. 4. Планы после окончания 9 класса, сельские и городские школы, 2011/12 уч. год, 1-ая волна национальной панели, %

Как видим, в планах на продолжение учёбы в 10 классе соотношение доли сельских (47%) и городских школьников (57,6%) оказывается аналогичным тем данным, что демонстрировали материалы государственной статистики. Учтём, что в годы проведения мониторинга система начального профессионального образования (НПО) существовала отдельно от системы СПО, и поэтому информация в обследованиях фиксировалась в соответствии с тогдашними названиями. Учиться после окончания 9-го класса в НПО и СПО стремилось больше сельских, чем городских школьников. Причём селяне даже чаще выбирали путь получения профессии квалифицированного рабочего (22,1%), чем специалиста среднего звена (15,7%).

Выпускники средней школы и их образовательные стратегии

Динамика числа оканчивающих дневную 11-летку определяется также прежде всего демографическим фактором. На рисунке 5 приведены данные 2000-х–начала 2010-х гг., когда произошёл резкий переход от многолюдного поколения 17-лет-

¹ В работе использованы данные панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП – <http://trec.hse.ru/>). Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ-ВШЭ. Выборка 1-ой волны национальной панели (9-классники 2011/12 уч. года) составляет 3377 человек, выборка 2-ой волны национальной панели (осень 2013 г.) составляет 4893 человек.

них (2,5 млн чел. в 2000 г.) к малолюдному (1,3 млн чел. в 2013 г.). Воздействие снижения численности сверстников сказалось на контингентах выпускников сельских и городских школ по-разному (см. рис. 5).

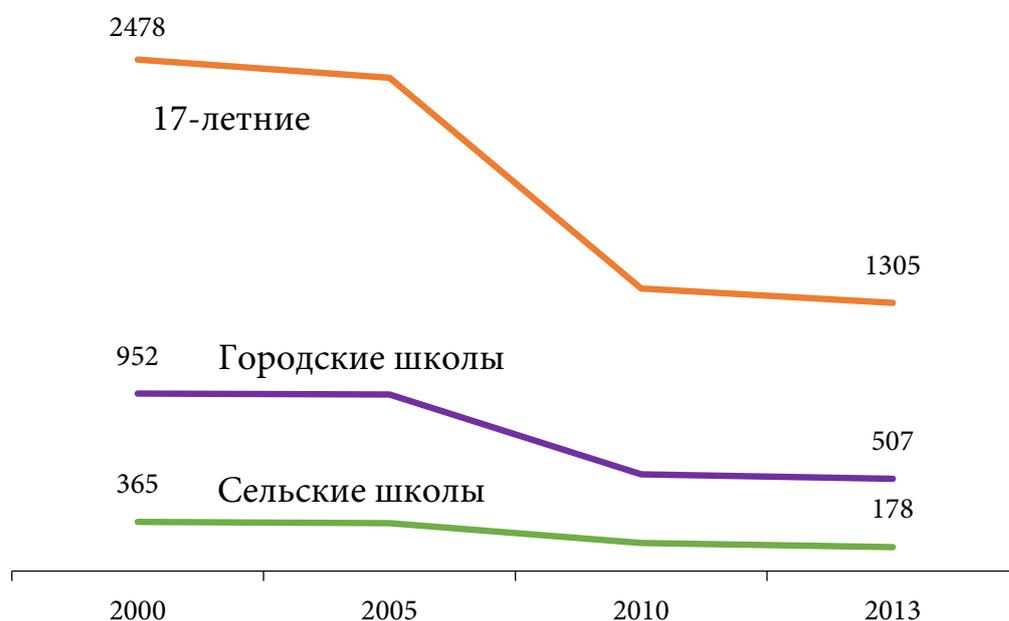

Рис. 5. Численность условной возрастной когорты 17-летних и получивших аттестат зрелости в сельских и городских дневных школах, тыс. чел.

Источники: [Демографический ежегодник... 2001: 133; Демографический ежегодник... 2015: 37; Образование в... 2014: 253].

Если численность когорты условно 17-летних сократилась за этот период на 47,3%, то контингент выпускников средних городских школ уменьшился несколько меньше – на 46,7%; а сельских школ, наоборот, несколько больше – на 51,2%. То есть, в условиях сокращения числа сверстников в городах немного повысились шансы молодежи достичь среднего образования в дневной школе, а на селе, напротив, эти шансы немного сократились. Этот феномен является продолжением отмеченной выше тенденции снижения доли переходящих на учёбу в 10 класс средней школы, более характерной для выпускников сельских школ, нежели городских.

Ещё один индикатор – доля оканчивающих в сёлах и городах дневную среднюю школу от числа тех, кто двумя годами ранее окончил дневную основную школу – фиксирует и подтверждает ту же тенденцию (см. рис. 6). Суммируя результаты, представленные на рис. 3, 5, 6, можно охарактеризовать две различные образовательные стратегии, которые сложились в рассматриваемый период у сельских и городских школьников.

В целом за 1990–2000-е гг. повысился процент оканчивающих основную общеобразовательную школу (и на селе несколько сильнее, чем в городе). Причём, если на рубеже веков и те, и другие с одинаковой и довольно высокой частотой

В условиях сокращения числа сверстников в городах немного повысились шансы молодежи достичь среднего образования в дневной школе, а на селе, напротив, эти шансы немного сократились.

после окончания 9-го класса продолжали обучение в 10-х классах средней школы, то затем их типичные пути стали всё более и более различаться. Сельские юноши и девушки после окончания 9-летки под влиянием перемен в структуре школьных учебных заведений на селе и в условиях снижения численности сверстников (т. е. благодаря уменьшению конкурсов в системе СПО) всё чаще стали переходить на учёбу в средние профессиональные учебные заведения или переезжали учиться в городские средние школы (таких насчитывалась половина к 2013 г.), а оставались на учёбу в сельской средней школе, видимо, главным образом те, кто связывал свои планы на будущее с поступлением в вуз (таких к 2013 г. оказалось около двух пятых). Большая часть городских выпускников основной школы продолжают переходить на учёбу в 10 класс (60% в 2013 г.), хотя и у них этот показатель немного снизился. Под влиянием снижения конкурсов из-за демографического фактора они тоже несколько чаще стали выбирать учёбу в СПО. Кроме того, в первое время после введения ЕГЭ некоторая часть этих выпускников предпочли альтернативный – через систему СПО – путь в высшую школу.

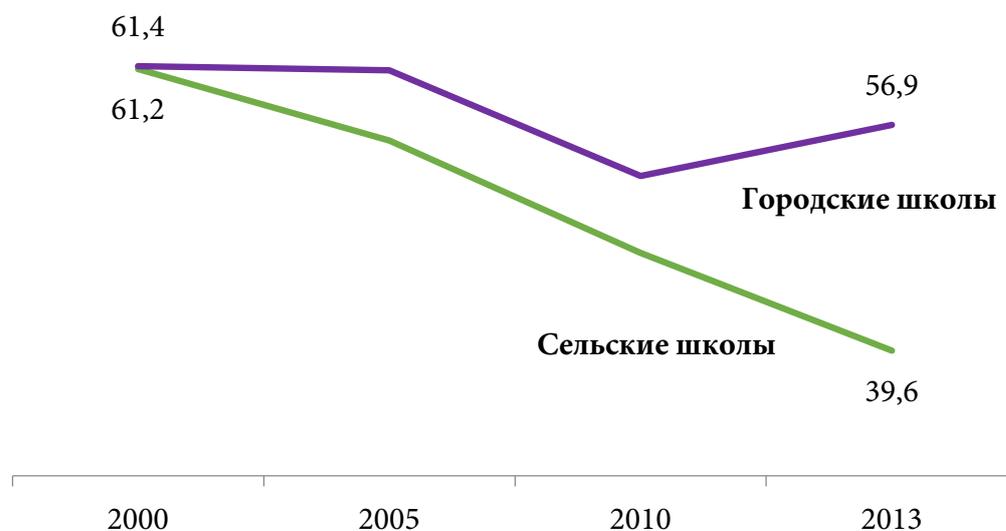

Рис. 6. Доля оканчивающих в сёлах и городах дневную среднюю школу от числа тех, кто двумя годами ранее окончил дневную основную школу, РФ, %

Источники: [Образование в... 2014: 253; Первичные данные...].

Изменения происходили и в ориентациях молодёжи на продолжение образования после окончания полной средней школы. Об этом свидетельствуют результаты наших исследований выпускников 11-летки в Новосибирской области в динамике лет. Одним из существенных отличий в структуре образовательных ориентаций молодёжи, зафиксированных в исследовании 1998 г. (см. левую часть рис. 7), была поселенческая дифференциация. Тогда сохранялись «градуированные» шаг за шагом (от самых крупных к самым мелким поселе-

Если на рубеже веков городские и сельские школьники с одинаковой и довольно высокой частотой после окончания 9-го класса продолжали обучение в 10-х классах средней школы, то затем их типичные пути стали всё более и более различаться.

ниям) различия в ориентациях молодёжи на типы учебных заведений, выбираемых для продолжения учёбы после окончания дневной средней школы.

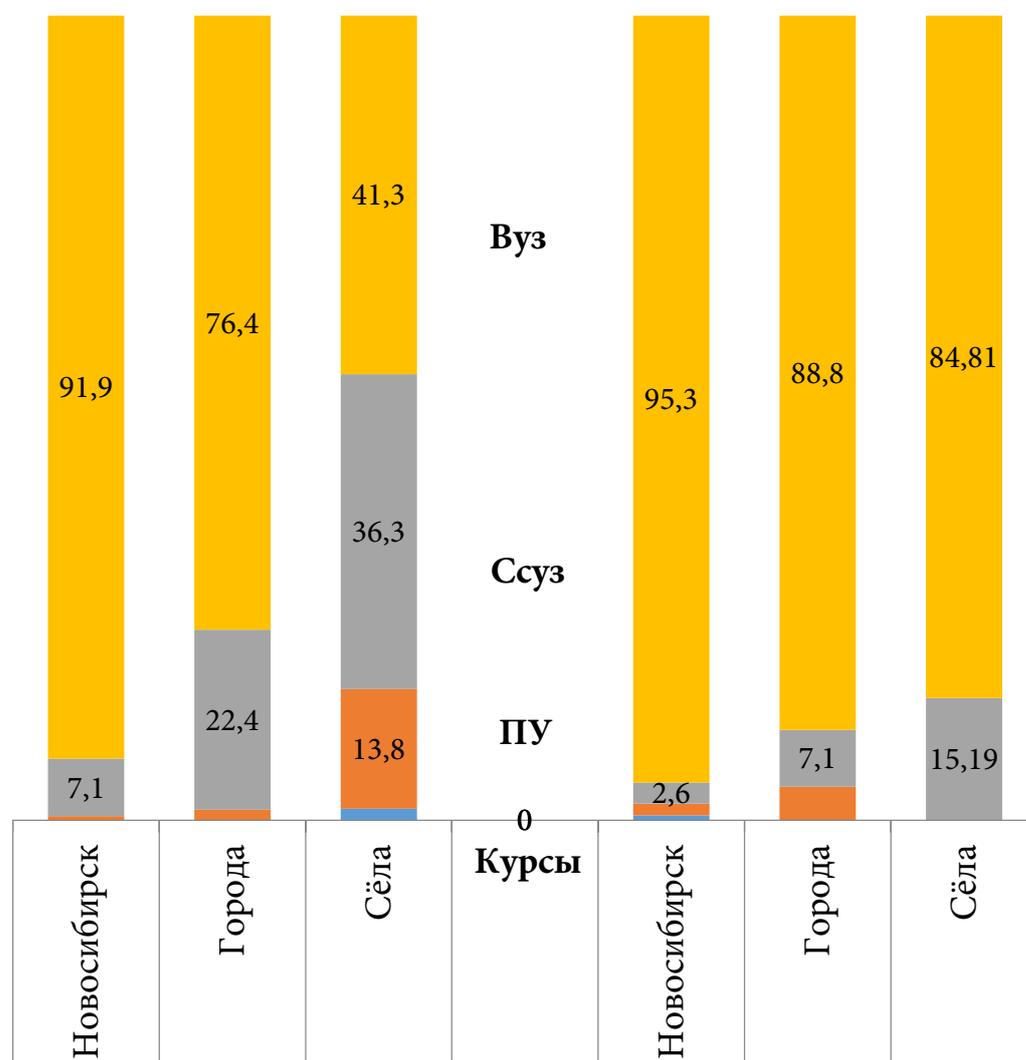

Рис. 7. Ориентации на тип учебного заведения выпускников средних школ Новосибирской обл., 1998 и 2013 гг., %

Выпускники школ в крупнейшем (более одного млн. жителей) городе – Новосибирске – в подавляющем большинстве (91,9%) стремились продолжить образование в вузах, очень малая часть (7,1%) планировали учёбу в средних специальных учебных заведениях (ссузах – теперь это образовательные учреждения СПО, осуществляющие подготовку специалистов среднего звена) и единицы – в системе начального профессионального образования (НПО – теперь это образовательные учреждения СПО, осуществляющие подготовку квалифицированных рабочих и служащих). Намеренных получить высшее образование среди выпускников школ средних и малых городов Новосибирской области было меньше, чем среди новосибирцев, но в целом довольно много – 76,4%, а желающих поступить в ссузы больше, чем в Новосибирске (22,4%). Ориентированных на НПО было также очень немного.

У сельской молодёжи в сравнении с двумя предыдущими группами ещё сильнее сокращалась доля стремящихся в вузы и увеличивалась доля планирующих получить образование в ссузах и системе НПО. Намерения сельских выпускников были весьма уравновешены: почти равновеликие потоки стремились, с одной стороны, в вузы (41,3%) и, с другой – в ссузы (36,3%), а заметная часть (13,8%) планировали учиться в профессиональных училищах (ПУ).

За пятнадцать лет произошла практически полная унификация ориентаций молодёжи на тип выбираемого учебного заведения. Теперь (2013 г.) большинство из всех трёх групп молодёжи ориентируется на учёбу в вузе (см. рис. 7, правую часть): её планируют среди выпускников школ г. Новосибирска 95,3%, городов области – 88,8% и сёл – 84,8%. Соответственно, планы на учёбу в других типах учебных заведений ничтожны у молодёжи Новосибирска, малы (7,1% ориентируются на СПО по программе «специалист среднего звена») – у молодых жителей городов области и заметны лишь у выпускников сёл, среди которых 15% планируют поступать в указанные учебные заведения.

В ходе реального выбора, осуществляемого выпускниками средней школы, поступающих в вузы оказывается несколько меньше в сравнении с планировавшими поступление, и, соответственно, несколько больше тех, кто в действительности выбирает учёбу в СПО по программе «специалист среднего звена» (см. рис. 8). Студентами вузов становятся 77,3% выпускников сельских школ и 87,1% – Новосибирска, а учащимися СПО по программе «специалист среднего звена», соответственно, 22,7 и 11,4%.

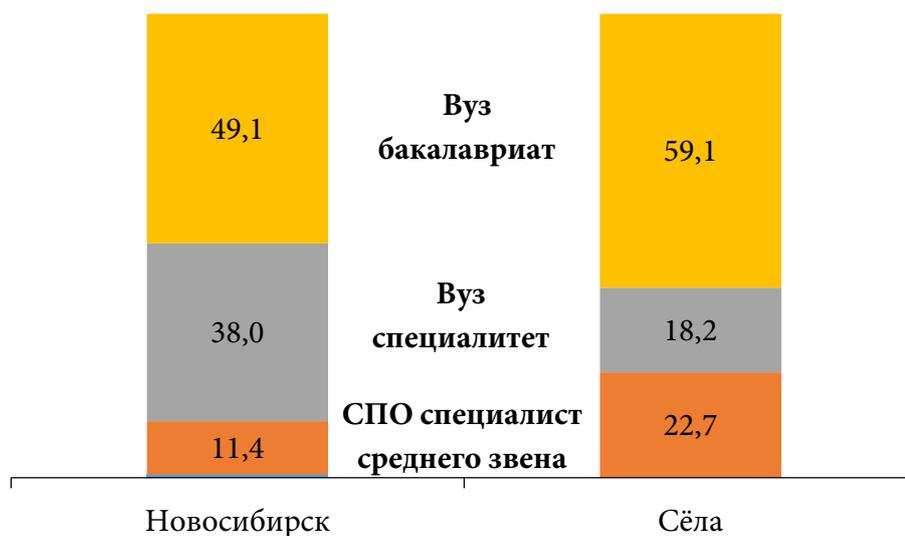

Рис. 8. Реальный выбор типа учебного заведения выпускниками средних школ Новосибирска и сёл области, 2013 г., %

Реальные пути молодёжи Новосибирска и сёл корректируются однонаправленно, и соотношение получающих высшее и среднее профессиональное образование («специалист среднего звена») в обеих группах оказывается достаточно схожим. Можно отметить лишь очень небольшую «ущемлённость» реального выбора сельских юношей и девушек: несколько большие шансы получения образования в СПО, нежели в высшего. Не стоит однозначно трактовать как некий проигрыш тот факт, что сельские выпускники чаще начинают обучение в вузах по учебным программам более короткого курса обучения – бакалавриата (59,1% селян против 49,1% новосибирцев) и существенно реже попадают на программы специалитета (соответственно, 18,2 и 38,0%). Как будет показано ниже, эти особенности решений тесно связаны со структурой избираемых специальностей.

Существенными характеристиками качества получаемого профессионального образования служат такие параметры, как обучение в разных его формах (дневной – вечерней/заочной), на бюджетных или платных учебных местах, в государственных или негосударственных учебных заведениях.

Данные государственной статистики свидетельствуют, что на протяжении нулевых годов вплоть до самого последнего времени выпускники дневных средних школ составляют более 80% приёма на дневные отделения государственных вузов [Первичные материалы...]. Поэтому неудивительно, что подавляющая часть опрошенных выпускников как в Новосибирске (91,8%), так и в сёлах области (98,7%) планировали поступать в дневные учебные заведения. В реальности начали обучение на дневных отделениях ещё больше выпускников школ Новосибирска (94,4%) и 97,0% окончивших сельские школы. Такие высокие показатели планировавших и реализовавших свои установки поступить на дневное отделение обязаны благоприятной ситуации поступления в условиях низкого, а порой и отсутствующего конкурса при приёме в профессиональные учебные заведения в этот период.

При поступлении наиболее искомыми являются бюджетные учебные места в государственных вузах и СПО. Сельские юноши и девушки, видимо, опасаясь, что они менее конкурентоспособны в сравнении с новосибирцами, в планах чаще ориентируются на платную учёбу (21,5 против 18,4% – см. рис. 9). Вместе с тем, результаты поступления свидетельствуют, что они гораздо чаще добиваются более желаемых бюджетных учебных мест (48,5 против 38%). Можно предположить, что этот феномен связан со спецификой мотиваций молодых селян и другими личностными факторами.

Воздействие демографической ситуации, выражающееся в повышенных шансах на доступ к более привлекательным учебным местам, сказывается и на выборе между учёбой

Сельские юноши и девушки, видимо, опасаясь, что они менее конкурентоспособны в сравнении с новосибирцами, в планах чаще ориентируются на платную учёбу (21,5 против 18,4% – см. рис. 9). Вместе с тем, результаты поступления свидетельствуют, что они гораздо чаще добиваются более желаемых бюджетных учебных мест (48,5 против 38%).

в государственных и негосударственных учебных заведениях. Как выпускники школ Новосибирска, так и сёл области в большинстве планируют и реально поступают в государственные учебные заведения на бюджетные места. Ориентировались на них в своих образовательных стратегиях 87,3% молодых селян и 83,3% молодых новосибирцев. Реальный выбор оказался ещё более успешным: поступили в государственные учебные заведения 92,3% выпускников из Новосибирска и 91,2% из сёл области. Как видим, молодые сельские жители, объективно находящиеся в более ущемлённых социально-культурных условиях в сравнении со своими сверстниками из крупного культурного центра, демонстрируют равную с ними очень высокую конкурентоспособность!

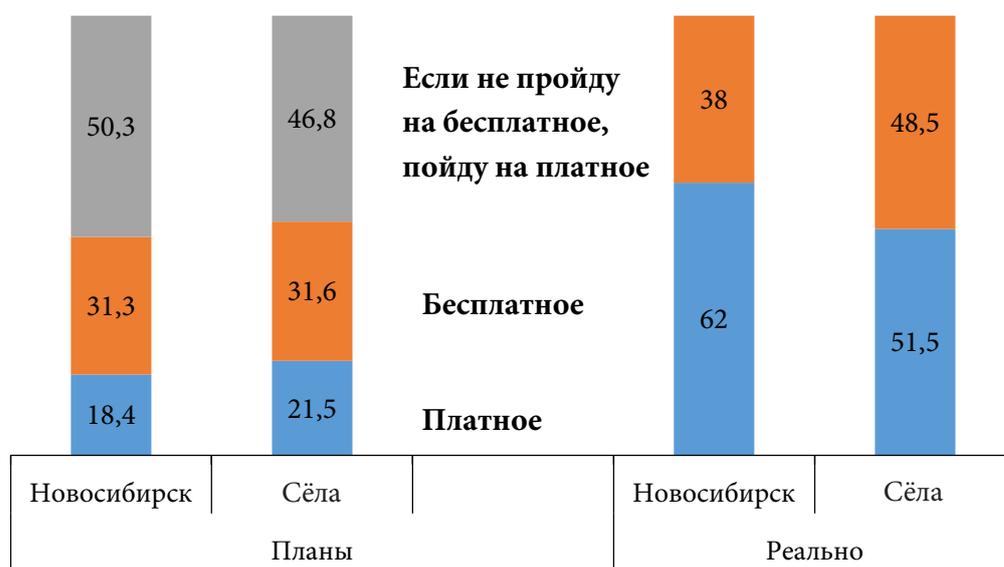

Рис. 9. Выбор бюджетного или платного обучения в планах и в реальности выпускниками школ Новосибирска и сёл области, %

Итак, преобладающей образовательной стратегией сельских выпускников 11-летки теперь стала стратегия, уже долгие годы отмечающаяся у юношей и девушек больших городов, – получение высшего образования. Между тем, для сегодняшних вузов (в отличие от прошлого) характерна большая дифференциация по качеству обучения. Официальной номинации уровней качества вузов нет. Тем не менее, сегодня в научном и общественном дискурсе сложилась система обозначений вузов, которая несёт на себе черты структурного упорядочивания. В научных разработках предлагается выделять следующие основные типы вузов: массовые, коммерческие, полуплатные, элитные [Ключарев 2013]. Общественный дискурс помещает на одном полюсе престижные и ведущие вузы, а на другом – наиболее слабые, к которым относит большинство негосударственных и наименее популярные государственные, а также большую часть филиалов. Есть много промежуточных позиций, где сосредоточены учебные заведения средней пре-

Как выпускники школ Новосибирска, так и сёл области в большинстве планируют и реально поступают в государственные учебные заведения на бюджетные места.

Общественный дискурс помещает на одном полюсе престижные и ведущие вузы, а на другом – наиболее слабые, к которым относит большинство негосударственных и наименее популярные государственные, а также большую часть филиалов.

стижности, их ещё называют «массовыми». Этими оценками и представлениями, а также связанными с ними различиями в качестве обучения, в степени конкурентной доступности осознанно и латентно руководствуются выпускники средних школ, выстраивая образовательные стратегии. Для того чтобы выяснить, хотя бы приблизительно, как эта структурная упорядоченность отражается в образовательных стратегиях молодёжи, в операциональном плане был разработан (на основе экспертных оценок работников органов образования Новосибирска) ранг новосибирских вузов – от первого, высшего ранга до седьмого, низшего¹. По тем же семи позициям была закодирована информация и по вузам других городов, к которым обращалась очень небольшая часть опрошенных.

На рис. 10 приведены распределения по рангу вузов, отмеченных в планах опрошенных выпускников школ в сёлах области и в Новосибирске.

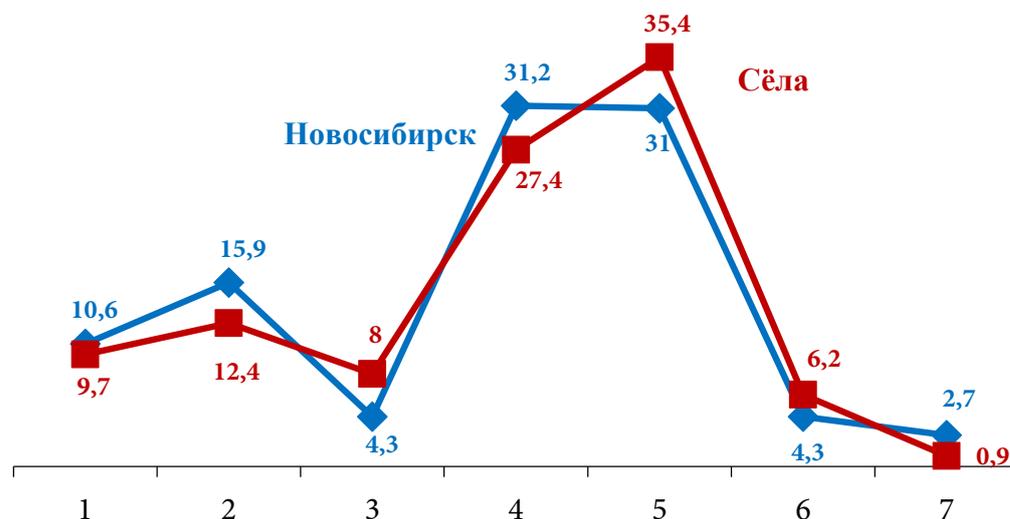

Рис. 10. Планы на учёбу в вузах выпускников школ Новосибирска и сёл области: распределение по рангу вузов, %

В расчётах учитывалось до трёх названий вузов, в которые респонденты планировали поступать. Следует иметь в виду, что величина попавших в своём выборе в тот или иной ранг вузов зависит ещё и от количества вузов, приписанных к тому или иному рангу. Так, наивысший первый ранг присвоен только одному, самому престижному Новосибирскому государственному университету, второй ранг – также одному, следующему за ним по репутационной популярности Новосибирскому государственному техническому университету, а в следующие ранги попадает уже большее число вузов: в третий – два, в четвёртый – 7, в пятый – 10, в шестой – 3, в седьмой – 5.

¹ 29 вузов Новосибирска были распределены по семи рангам. Их список мы не приводим по этическим соображениям.

Существенной характеристикой планов на поступление в вуз является большая доля ориентирующихся на самые престижные учебные заведения и незначительная – на самые низко оцениваемые. Хотели бы учиться в двух ведущих университетах (в сумме 1-го и 2-го рангов) больше четверти старшеклассников Новосибирска и чуть меньше четверти сельских 11-классников, тогда как вузы 6-го и 7-го рангов привлекают всего 7% первых и 7,1% – вторых. Сельская молодёжь, скромнее оценивающая свою конкурентоспособность, несколько сдержаннее в своих ориентациях на ранги вузов. Эта «сдержанность» проявляется ступенчато: по сравнению с новосибирцами при выборе вузов первых трёх рангов селяне уступают по доле ориентирующихся на первые два, но обгоняют по последнему в подгруппе – третьему; в подгруппе наиболее массовых отраслевых вузов четвёртого и пятого рангов ориентации сельской молодёжи вновь ниже по начальному – четвертому – рангу и, напротив, выше по чуть более низкому – пятому.

Результаты реального поступления в вузы, распределённого по их рангам, представлены на рис. 11. Примечательно, что существенная часть сельской молодёжи, очевидно наиболее подготовленная, добивается больших, нежели новосибирцы, успехов в получении учебных мест наиболее престижных вузов. В вузы первого и второго рангов попадают 21,2% сельских выпускников. Это чуть меньше, чем доля планировавших такой выбор (22,1%), а в НГТУ поступают даже больше (15,4%), чем ориентировались на него (12,4%). Между тем, новосибирские выпускники в реальности оказываются в вузах первого и второго рангов существенно реже (17,6%), нежели планировали (26,5%). На другом полюсе – в вузах низкой престижности шестого и седьмого рангов – также отмечается небольшое преимущество селян: доля попавших в эти вузы у них ниже (5,7%), чем у новосибирцев (8,9%). Вместе с тем, в подгруппе вузов наиболее массового выбора сельская молодёжь уступает юношам и девушкам из Новосибирска: соотношение попавших в учебные заведения четвёртого и пятого рангов у выпускников сельских школ сильно скошено в пользу пятого ранга (12,5 к 57,7%), а у новосибирцев – более уравновешено (30,6 к 40%). Тот факт, что больше половины сельских выпускников в реальности оказываются в вузах, отнесённых к пятому рангу, отчасти объясняется тем, что среди них многие выбирают специальности, по которым ведётся подготовка в педагогическом университете. Кроме того, специальности в сфере экономики, менеджмента, финансов они чаще получают в недавно созданных вузах (отнесённых к пятому рангу), в то время как новосибирские выпускники к этим сферам деятельности чаще готовятся в одном из старейших и репутационных вузов (отнесённом к третьему рангу).

Существенная часть сельской молодёжи, очевидно наиболее подготовленная, добивается больших, нежели новосибирцы, успехов в получении учебных мест наиболее престижных вузов.

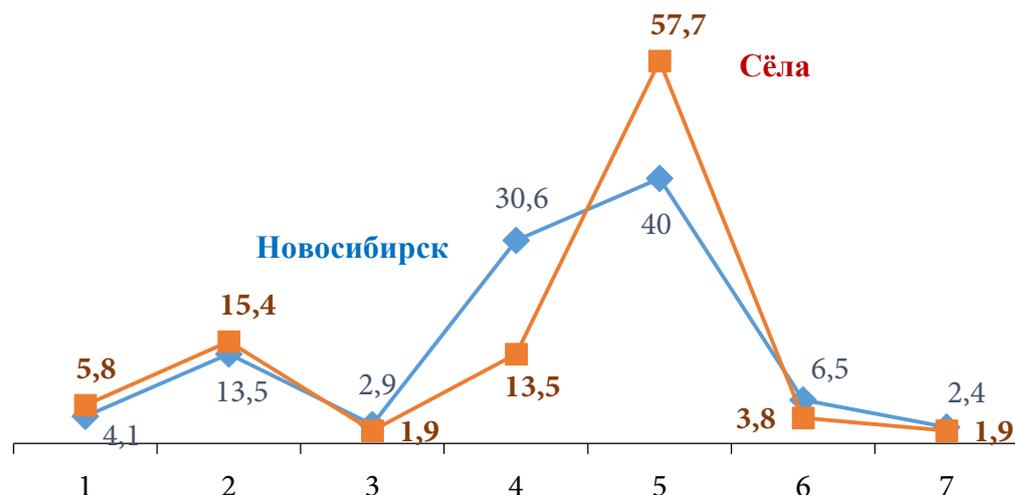

Рис. 11. Реальный выбор вузов выпускниками школ Новосибирска и сёл области: распределение по рангу вузов, %

Среди сельских выпускников несколько больше, нежели среди новосибирцев, имеющих преимущества при поступлении в вуз – 35,4 и 28,2%, соответственно. Поступают в вуз по целевому набору 15,2% селян и 9,7% новосибирцев, относятся к льготным категориям, соответственно, 12,7 и 5,6% и являются призёрами олимпиад 8,9% выпускников сельских школ и 7,9% – новосибирских. Вместе с тем, следует иметь в виду, что для сельской молодёжи учёба в вузах означает переезд из родного дома в город, главным образом в Новосибирск, т. е. им приходится преодолевать гораздо большие барьеры, сталкиваться с проблемами жизнеустройства и жизнеобеспечения в более раннем возрасте, чем новосибирцам.

Образовательные стратегии и статус родителей

Почему к 2013 г. в образовательных стратегиях выпускников сельских средних школ в сравнении с таковыми выпускников Новосибирска стало больше общих черт, чем специфических отличий, которые наблюдались 15 лет назад, по результатам обследования 1998 г.? Напомним, что обнаруженные тогда существенные отличия в структуре планов на образование сельской молодёжи от городской объяснялись тем, что они формировались под влиянием более «слабой» образовательной инфраструктуры, более низкого качества школьного обучения, особенностей рынка труда и спроса на кадры разной квалификации, характерных для села, а также по причине специфичного социального состава выпускников сельских школ. Среди них, в сравнении со сверстниками из Новосибирска, было гораздо меньше тех, кто по своему социально-профессиональному происхождению принадлежал

к высоким стратам социальной иерархии, и, напротив, существенно больше был удельный вес занимающих её нижние этажи (см. таблицу 2, первый и второй столбцы цифр). Тогда больше половины сельских выпускников составляли выходцы из семей служащих и рабочих, и только по одной десятой приходилось, соответственно, на руководителей и специалистов с высшим образованием; ещё почти одну пятую составляла юноши и девушки из семей мелких собственников. У выпускников школ Новосибирска наблюдалась практически обратная картина: более половины приходилось на детей руководителей и специалистов с высшим образованием, менее трети – на детей служащих и рабочих и немного – около одной десятой – на детей мелких собственников.

Таблица 2

**Социально-профессиональный статус семей выпускников школ
Новосибирска и сёл области в 1998 и 2013 гг., %**

Статус	1998		2013	
	Сёла	Новосибирск	Сёла	Новосибирск
Руководители	11,4	26,3	13,5	16,3
Специалисты с высшим образованием	10,1	29,7	20,3	26,1
Специалисты со средним специальным образованием и служащие	29,1	20,1	12,2	17,8
Работники торговли, сферы обслуживания, ЖКХ			5,4	5,4
Представители армии, полиции, таможни и т. п.			5,4	5,4
Владельцы бизнеса	19,0	12,4	18,9	13,4
Рабочие	30,4	11,5	24,3	15,6
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Тогда, ссылаясь на ряд исследований [Нуман 1966: 488–499], мы объясняли, что для разных социальных групп характерны свои преобладающие системы ценностей, в том числе ценности образования и представления о его роли в достижении жизненных целей. В исследовании 1998 г. при ответе на вопрос «Каковы, по Вашему мнению, пути достижения успеха в жизни?» респонденты в числе прочих могли выбрать ответ: «много учиться и повышать уровень своего образования». Доля выбравших этот ответ выразительно варьировала в зависимости от социального происхождения молодёжи: она была максимальная у детей специалистов (44,2%), высокая – у детей руководителей (42,6%), снижалась у детей служащих (38,3%), ещё ниже – у детей рабочих (34,4%) и была небольшой у детей мелких собственников (24,1%). Тогда сниженные устремления в образовательных стратегиях

сельской молодёжи мы относили, наряду с иными обстоятельствами, на счёт того, что большая часть этой группы принадлежала к выходцам из более низкостатусных слоёв, придающих меньшую ценность образованию. Как на этот счёт обстоит дело сегодня?

Из таблицы 2 (третий и четвёртый столбцы цифр) следует, что распределения по статусу происхождения выпускников сельских школ и школ Новосибирска в 2013 г. оказываются относительно схожими, во всяком случае – гораздо более схожими, чем таковые были в 1998 г. Если тогда доля выходцев из семей руководителей у сельской молодёжи была почти втрое ниже, чем у молодых новосибирцев, то в 2013 г. она меньше всего на 2,8 процентных пункта. Выпускников из семей специалистов с высшим образованием у молодёжи сёл, в сравнении с городом, 15 лет назад было почти втрое меньше, а в 2013 г. – только на 5,8 процентных пункта. На другом полюсе – выходцы из рабочих семей: в 1998 г. их было почти втрое больше среди сельских юношей и девушек, в сравнении с новосибирцами, а в 2013 г. больше только в полтора раза.

Разумеется, к 2013 г. на динамику изменений социально-профессионального состава по происхождению выпускников средних школ Новосибирска и сёл области и связанных с ними обнаруженных выше изменений ориентаций и реального поведения молодёжи в сфере образования влияло множество факторов. Среди них – общий рост благосостояния населения, позволяющий родительской семье гораздо дольше содержать обучающегося ребёнка, а также нередко и платить за получаемое образование; переход на «подушевое» финансирование общеобразовательной школы, заинтересованной теперь в «удержании» учащихся; большое расширение таких форм профессионального образования, как система среднего специального (отчасти) и высшего образования (главным образом); воздействие демографического спада численности сверстников. Эти и ряд других факторов проявились в том, что перемены в социальном составе выпускников средних школ сёл и города Новосибирска происходили разнонаправленно. Охват обучением в средних школах Новосибирска (из-за демографических причин) повысился и социальный состав их выпускников стал более «демократичным», т. е. в нём теперь несколько больше представителей семей рабочих, работников торговли, сферы обслуживания, военных и полицейских, служащих и, напротив, относительно меньше выходцев из семей специалистов с высшим образованием и существенно меньше – из семей руководителей. До окончания дневной 11-летки стало «добегать» больше представителей всей возрастной когорты. Иным представляется её движение по классам дневной школы на селе. Как следует из данных таблицы 2, к выпуску из 11-го класса сельской средней школы социальный состав уча-

Пропорции распределения сельских выпускников по социальному происхождению стали по многим позициям схожими с таковыми у новосибирцев.

щихся изменился таким образом, что в нём стало гораздо больше представителей «элитных» групп и слоёв (специалистов с высшим образованием) и меньше выходцев из низкостатусных слоёв (рабочих). Таким образом, пропорции распределения сельских выпускников по социальному происхождению стали по многим позициям схожими с таковыми у новосибирцев.

Как показали результаты, приведённые выше на рисунках 3 и 6, на учёбу в 10-й класс переходила в 2013 г. половина выпускников сельской 9-летки, а аттестаты зрелости о среднем образовании получало около 40% их численности (соответственно, 60 и 57% от числа выпускников городской основной школы). На селе большая часть молодёжи из более «демократичных» слоёв населения оставляет учёбу в школе, не доходя до ступени полного среднего образования. Воспользовавшись ослаблением конкурсной ситуации при приёме в учреждения СПО на базе основного образования, они всё чаще стали поступать в эти учебные заведения. Именно представители низкостатусных и массовых слоёв сельского населения обнаруживают стремление к более ранней профессионализации и началу трудовой деятельности¹. В результате действия указанных выше факторов на селе к окончанию 11-го класса в дневной школе стала оставаться только та часть сельских сверстников, которые целеустремлённо ориентируются на поступление в вузы. Эти установки, как известно, в тенденции более характерны выходцам из более образованных семей и принадлежащих к более высоким социальным стратам по статусу. Именно этим обстоятельством во многом объясняется та существенная степень схожести характеристик образовательных стратегий выпускников сельских и новосибирских средних школ, которая на материалах обследования 2013 г. была продемонстрирована выше.

Заключение

Итак, влияние общих факторов изменения условий жизни, развития системы школьного и профессионального образования, перемен демографической ситуации во многом определяет то, как складываются образовательные стратегии сельской молодёжи в сравнении с их сверстниками из городов. В одних случаях результаты этого воздействия сказываются в виде общих для всей молодёжи тенденций, в других – определяют специфику образовательных установок и поведения той или другой группы молодёжи.

¹ Косвенно это подтверждают результаты нашего исследования рабочей молодёжи (опрос тысячи молодых рабочих промышленных предприятий в 13 регионах РФ в 2009 г. и интервьюирование 62 человек в 2010 г. – рук. Д. Л. Константиновский): те из них, кто мигрировали из сёл, начинали свою трудовую жизнь (в том числе поступая в ПУ и суззы) после окончания 9-летки (иногда даже ранее), принадлежали к низкостатусным слоям по своему происхождению.

Отмечая неизбежное воздействие демографической ситуации на опции молодёжи на этапах бифуркации образовательного пути, нельзя преуменьшать влияние такого важного фактора, как наличная локальная структура и сеть учебных заведений разных уровней образования. Нараставший к 2010 г. «поворот потока» сельских выпускников 9-летки в систему СПО во многом определялся тем, что им предлагалась широкая сеть колледжей и технических лицеев, их филиалов в небольших поселениях, тем самым приближенных к родным местам сельской молодёжи. В выборе учёбы в вузах частью сельских 11-классников также существенную роль играли вузы относительно более низкого ранга, филиалы вузов.

Сложившаяся в предыдущие годы весьма благоприятная ситуация с профессиональной подготовкой сельской молодёжи оказывается в настоящее время недостаточно стабильной. Специалисты, анализирующие на региональном уровне сегодняшние условия реформируемой образовательной среды и запросы рынка труда, обнаруживают новые вызовы и социальные противоречия [Арсентьева, Харченко 2015]. Так, в соответствии с проводимой реформой в Сибирском регионе административно-управленческие и финансовые решения осуществляются как на региональном уровне (за счёт «оптимизации», реализуемой как сокращение числа общеобразовательных школ, объединение или закрытие профессиональных училищ, реструктурирование учебных заведений начального и среднего профобразования, которое привело к заметному сокращению численности обучающихся в ПУ, а также ликвидации самих ПУ в ряде городов и районов областей), так и на федеральном (закрытие или реструктурирование вузов и филиалов вузов, признанных неэффективными, и др.). Признавая, что такие действия являются во многом реакцией на демографические процессы, специалисты констатируют, что «реструктуризация» учебных заведений и в частности сокращение подготовки по рабочим профессиям (и ликвидация самих училищ) стали результатом усиления формализма и бюрократического давления на школы и учреждения профобразования, которым сопровождалось постепенное внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов в их нынешнем виде. Сегодня налицо существенное сокращение подготовки по рабочим профессиям в системе профессионального образования. Оно затрагивает главным образом учебные заведения, расположенные в средних и малых населённых пунктах, т. е. прежде всего сказывается на возможностях получения профессиональной подготовки сельской молодёжью, выбирающей «неакадемическую» траекторию. Вместе с тем, в новый Закон «Об образовании в Российской Федерации» заложены возможности для новой организации образовательных процессов и нового понимания результатов профессионального образова-

«Реструктуризация» учебных заведений (в частности, сокращение подготовки по рабочим профессиям и ликвидация самих училищ) стали результатом усиления формализма и бюрократического давления на образовательные учреждения, которыми сопровождалось внедрение новых федеральных государственных образовательных стандартов в их нынешнем виде.

ния. Их реализация зависит от своевременной корректировки управленческих решений, в которых бы находили отражение не только задачи внутриведомственной оптимизации, но и цели социальной и экономической эффективности всего общества.

Создание лучших возможностей для реализации способностей и сущностных сил молодёжи, и в частности сельской, в ходе получения общего и профессионального образования (иначе говоря, оптимизации её образовательных стратегий), на что направлены усилия нашего общества, возможно путём совершенствования социальных подсистем и прежде всего систем общего и профессионального образования в опоре на новые положительные тенденции в их развитии, а также благодаря улучшению ресурсов самой молодёжи, что лежит в рамках действий институционального и социетального порядков.

Библиографический список

Арсентьева Н. М., Харченко И. И. 2015. Современные вызовы системе профессионального образования и проблемы формирования кадровой базы экономики сибирских регионов // Сборник итоговых докладов XVI Апрельской международной конференции НИУ ВШЭ. Том 4. URL.: <https://conf.hse.ru/2015/sbornik> [Дата посещения: 28.08.2016].

Бессуднов А. Р., Малик В. М. 2016. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. № 1. С. 135–167.

Демографический ежегодник России 2001. Стат. сб. М.: Госкомстат, 2001. 404 с.

Демографический ежегодник России 2015. Стат. сб. М.: Росстат, 2015. 263 с.

Ключарев Г. А. 2013. «Проблема мелюзги», образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы // Вестник Института социологии. № 6. С. 234–251. URL.: <http://www.vestnik.isras.ru/article/229> [Дата посещения: 23.08.2016].

Константиновский Д. Л. 1999. Динамика неравенства. Российская молодёжь в меняющемся обществе: ориентации и пути в сфере образования (от 1960-х годов к 2000-му). М.: Эдиториал УРСС. 344 с.

Образование в Российской Федерации: 2007. Стат. ежегодник. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 484 с.

Образование в Российской Федерации: 2010. Стат. сб. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 492 с.

Образование в Российской Федерации: 2012. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2012. 444 с.

Образование в Российской Федерации: 2014. Стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 464 с.

Первичные данные, официально предоставленные в 2008–2011 гг. Отделу социологии образования ИС РАН Федеральным агентством по статистике РФ.

Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2001 г. № 871 «О реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности (с изменениями на 1 февраля 2005 года)» // Консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901807007> [Дата посещения: 22.10.2016].

Hyman H. H. 1966. The Value Systems of Different Classes // Class, Status, and Power. Social stratification in comparative perspective, 2e ed. London: Routledge and Kegan Paul. P. 488–499.

DOI: 10.19181/vis.2016.19.4.428

Village School Graduates: Educational Strategies

Cherednichenko Galina Anatolievna

Doctor of Sociology, senior researcher, Department of Sociology of Education Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: galcher50@mail.ru

Abstract. Government statistical data and materials from sociological studies are used to examine the educational strategies of village youth. Analysis is carried out in a comparative manner – the processes and phenomena which characterize village youths are compared with such attributed to urban youths. The statistical data is analyzed within the dynamics of the period from the 1990's through the 2010's. It is revealed that village youths' educational strategies, compared to those of their urban peers, are shaped under the influence of common factors of living conditions changes, the development of school and professional education systems, shifts in the demographic situation (transition from the abundant generations of the late 1990's and early 2000's to the sparse generations of the late 2000's). After finishing basic schooling most village youths choose to go down the "non-academic" path: they transfer to secondary professional training, while young men and women from cities, for the most part, continue to attend day high school. Those who are currently receiving a complete secondary education in rural areas are much more socially selected relative to the social structure of the village population, when compared to their peers from urban secondary schools relative to the general city population. These village youths are to a much greater extent than before consolidated in their pursuit of higher education. As a result a situation has developed towards the early 2010's when the majority of rural high school graduates enrolled into universities, so their educational attitudes and their actual choices turned out to be quite similar to the aspirations of youths from cities. Shown is the demographic situation's influence (during varying chronological periods) on youths' options at certain stages of choosing an educational path, and also indicated is how they are affected by such a crucial factor as the existing local structure, a network of educational facilities for various levels of general and professional education.

Keywords: rural youth, urban youth, educational strategies, graduates from general secondary school, graduates from high school, secondary specialized education, higher education.

References

Arsent'eva N. M., Harchenko I. I. Sovremennye vyzovy sisteme professional'nogo obrazovaniya i problemy formirovaniya kadrovoy bazy ekonomiki sibirskih regionov [Contemporary Challenges to the System of Education and Problems of Formation of the Human Resource Base of the Economy of Siberian Regions]. NRU HSE Official website. URL: <https://conf.hse.ru/2015/sbornik> [date of visit: 28.08.2016].

Bessudnov A. R., Malik V. M. Social'no-ekonomicheskoe i gendernoe neravenstvo pri vybore obrazovatel'noy traektorii posle okonchaniya 9-go klassa sredney shkoly [Socio-Economic and Gender Disparities in the Choice of Educational Path after Finishing of the 9-th Step of Secondary School]. *Voprosy obrazovaniya*, 2016, no 1, pp. 135–167.

Demografichesky ezhegodnik Rossii 2001 [Demographic Yearbook of Russia 2001]. Moscow, Goskomstat, 2001. 404 p.

Demografichesky ezhegodnik Rossii 2015 [Demographic Yearbook of Russia 2015]. Moscow, Rosstat, 2015. 263 p.

Hyman H. H. The Value Systems of Different Classes. Class, Status, and Power. Social stratification in comparative perspective, second edition. London, Routledge and Kegan Paul, 1966, pp. 488–499.

Kliuchariov G. A. «Problema meliuzgi», obrazovatel'nye neravenstva i effektivnost' vuzov kak social'no-ekonomicheskie indicatory [The Problem of “small-fry”, Education Inequalities and Efficiency of Universities as Indicators of Social-Economic Development]. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2013, no 6, pp. 234–251. URL: <http://www.vestnik.isras.ru/article/229> [date of visit: 23.08.2016].

Konstantinovskiy D. L. Dinamika neravenstva. Rossiyskaya molodizh' v meniajuschemsya obschestve: orientacii i puti v sfere obrazovaniya (ot 1960-h godov k 2000-mu) [The Dynamics of Inequality. Russian Youth in a Changing Society: Orientations and Paths in Education (from 1960 to 2000)]. Moscow, Editorial URSS, 1999. 344 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2007 [Education in Russian Federation: 2007]. Moscow, SU HSE, 2007. 484 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2010 [Education in Russian Federation: 2010]. Moscow, SU HSE, 2010. 492 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2012 [Education in Russian Federation: 2012]. Moscow, NRU HSE, 2012. 444 p.

Obrazovanie v Rossiyskoy Federacii: 2014 [Education in Russian Federation: 2014]. Moscow, NRU HSE, 2014. 464 p.

Pervichnye dannye, oficial'no predostavlennyye v 2008–2011 gg. Otdelu sociologii obrazovaniya IS RAN Federal'nym agentstvom po statistike RF [Primary Data Officially submitted in 2008–2011 to the Department of Sociology of Education of the Institute of Sociology RAS by Federal Agency for Statistics]. Not publ.

Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 17.12.2001 № 871 «O restrukturizacii seti obscheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy, raspolozhennykh v selskoy mestnosti (s izmeneniyami na 1.02.2005)» [RF Government Resolution of 17 December 2001 № 871 “On the Restructuring of the Network of Educational Institutions Located in Rural Areas (as amended at February 1, 2005)”]. Konsorcium «Codex» website. URL.: <http://docs.cntd.ru/document/901807007> [date of visit: 22.10.2016].